

Историческая грамматика русского языка как учебная дисциплина, ее предмет и задачи.

План:

1. Предмет и задачи курса.
2. Связь с лингвистическими дисциплинами.
3. Источники исторической грамматики.
4. Место исторической грамматики русского языка в системе филологической подготовки учителя русского языка.

1. Исторической грамматикой русского языка называется наука о внутренних законах развития русского языка, о том, как сложился современный русский язык, его грамматический строй и словарь, его фонетическая система и письмо.

Развитие языка, постепенное накопление элементов нового качества заключается в том, что элементы грамматического строя и словарного состава языка: звуки речи, словообразовательные морфемы, формы склонения и спряжения, сами слова с их значениями, с течением времени одни исчезают, другие появляются, меняется их место в целом в языке, их участие, их роль в выражении мысли.

Не все эти изменения в одинаковой степени заметны для людей. Более всего заметны лексические изменения и, в особенности, новые явления в словаре, новые слова и новые значения слов. Темпы лексического, словарного обновления языка является более быстрыми, чем темпы обновления других сторон языка. Однако и здесь следует различать, с одной стороны, основной словарный фонд языка, заключающий в себе такие слова, как вода, земля, рука, человек, делать, без которых язык не мог бы служить средством общения, а, с другой – группы слов, находящиеся за пределом основного словарного фонда. Тогда как лексические группы, не являющиеся принадлежностью основного словарного фонда, отличаются большой и постоянной подвижностью, основной словарный фонд накапливается очень медленно. Еще медленнее протекают изменения в области собственного грамматического строя языка, в области словообразования, склонения и спряжения, в структуры предложения. Поэтому и заметить их труднее. Медленными темпами отличается и развитие звуковой стороны слов.

Изменения, наблюдающиеся в языке происходят закономерно. Причем закономерности развития разных сторон языка не являются одинаковыми. Т.е., звуковая сторона того или иного языка изменяется по своим законам, которые по своему характеру и природе отличаются от законов развития.

Н-р, морфологические стороны языка (законы грамматической ассимиляции, законы опрощения). В то же время наблюдаются взаимодействие разных сторон языка: фонетические и лексические изменения часто влекут за собой изменения в области грамматического строя.

Одни элементы языка вытесняются другими не беспорядочно, а потому, что новые элементы, при новом их использовании в целом, позволяют людям выражать свои мысли лучше, чем прежде. Т.о., внутренними законами развития языка следует считать не любые закономерности его изменений, а законы его усовершенствования, законы, которые управляют движением языка вперед, по восходящей линии.

Т.о.: история русского языка есть наука о внутренних законах, о закономерностях развития русского языка, развития всех его сторон и элементов, в течение его многовековой жизни, начиная с древнейшего его качественного состояния, в неразрывной связи с историей русского народа, с историей его государственной жизни, его культуры.

2. В русской языковедческой традиции историческая грамматика как часть науки об истории русского языка связывается с изучением не кодифицированной литературной, а живой разговорной речи в ее историческом развитии.

Понимаемый таким образом объект исторической грамматики (в отличие от объекта истории русского литературного языка) означает, что соответствующая научная дисциплина исследует языковую систему, реализующуюся в повседневной разговорной бытовой речи.

Если учесть, что на протяжении многих столетий, вплоть до начала формирования нации, средством живого повседневного общения была диалектная речь, на базе которой в период образования великорусской народности оформляется московское койне, лежащее в основе норм современного русского языка, то традиционный объект исторической грамматики предстает как диалектный язык, а сама историческая грамматика оказывается, таким образом, тесно связанной и исторической диалектологией.

Но в отличие от исторической диалектологии историческая грамматика акцентирует внимание на общих закономерностях истории народно-разговорного языка во всей совокупности его говоров, а историей взаимодействия диалектов интересуется с точки зрения их объединения в единую «систему систем», в составе которой осуществляются процессы нивелировки диалектных различий, ибо историческую грамматику в изучении диалектного языка интересует процесс формирования центрального (московского) говора как базы общенациональной системы норм русского языка.

Историческая грамматика как часть науки об истории русского языка тесно связана с историей русского литературного языка, прослеживающей пути становления, развития и преобразования системы книжно-литературных норм, использовавшихся в разные периоды истории народа в письменном творчестве. Со времен появления книжно – литературного языка он обслуживал то же общество, система разговорного языка которого исследуется исторической грамматикой, а потому на всех этапах своей истории находился во взаимодействии с обиходно-разговорной речью народа.

Если история литературного языка начинается с древнейших письменных памятников и прослеживает литературно-языковые традиции в хронологической последовательности, то историческая грамматика как научная дисциплина, стремящаяся реконструировать непосредственно не зафиксированные системные отношения прошлых эпох, в том числе предшествующих появлению старейших письменных памятников, принципиально ретроспективна, т.е. следует от данных фактов к прошлому, исчезнувшему состоянию.

Материал курса старославянского языка носит источниковедческий характер: свидетельства старославянских памятников оцениваются прежде всего как собрание наиболее древних, зафиксированных на письме фактов славянской языковой истории.

Например, детерминативы - а, - о, - и, -, характеризовавшие некогда исход славянских именных основ, помогают установить славянские типы склонения.

Иными словами, историческая грамматика русского языка начинается там, где кончается изложение судеб праславянского языка в курсе старославянского языка.

История языка связана со всем комплексом дисциплин исторического цикла: археологией, этнографией, антропологией, историей.

3. Основными источниками истории русского языка являются письменные памятники разных эпох. Современный русский язык во всех его функциональных разновидностях (прежде всего диалектных) и лингвистическая география.

Ограниченное значение имеют другие источники: ономастика, топонимия, заимствования иностранных языков из русского и русского из соседних языков, письменные свидетельства иностранцев, содержащие русские словоформы и словосочетания.

Письменные памятники неодинаковы по своему типу и по информативности:

1) надписи; 2) материалы частной переписки; 3) грамоты; 4) рукописные книги; 5) печатные книги.

К надписям обычно относят тексты, выполненные не на специальном писчем материале (пергамене или бумаге), а на камне, дереве, металле, глине (как правило, на предметах домашнего обихода). Для исследования истории русского языка надписи интересны тем, что они

нередко делались лицами, плохо владевшими традиционной орфографией и зачастую достаточно свободно отражавшими черты родного диалекта. К числу древних относятся: надпись на Томураканском камне (1068) (беломраморная плита, где сообщается, что князь Глеб производил измерения керченского пролива. Как ни коротка эта надпись, очень интересна (отсутствие Ъ в слове *князь*, отсутствие связки в перфекте: *м риль*, форма *по леду*, т.е. *по льду*), надписи, процарапанные на штукатурке стен древних соборов Киева, Новгорода, Смоленска надпись на серебряной чаре черниговского князя Володимира Давыдовича (ок. 1151), на кресте полоцкой княгини Евфросиньи.

К надписям принято относить и Ана рѣина – подпись французской королевы, дочери великого князя Ярослава, под документом 1063 г., написанном на пергамене (Анна Ярославна подписалась за своего малолетнего сына Филиппа I).

(= Anna regina = Анна королева)

Старейшие материалы частной переписки – письмо на бересте из Новгорода (XI-XV вв.), Смоленска, Витебска, Пскова и Старой Руссы. Эти памятники, как и частные письма на бумаге, сохранившиеся с 17 в., как надписи отличаются непрофессиональной грамотностью авторов, дают богатейший материал для изучения особенностей разговорной речи, в частности диалектной.

К грамотам относятся собственно деловые памятники – официальные документы, по особенностям языка значительно ближе стоящие к разговорной речи своего времени, чем книжно-литературные тексты; многие из грамот написаны «малограмотными» писцами и по богатству информации для исторической грамматики имеют такое же важное значение, как и частные письма. Старейшая подлинная грамота, написанная золотом на пергамене – дарственная великого князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю (ок. 1130 г.). С конца XII в. сохранились новгородские грамоты, с 13 в. – смоленские грамоты.

Самым главным письменным источником является рукописная книга (известно почти 1500 славяно-русских рукописей, как правило, написанных в Новгороде, Пскове, Киеве, Смоленске, Галиче, Ростове).

Подавляющая часть древнерусских рукописных книг – это списки текстов старославянского происхождения, преимущественно христианская богослужебная литература: Евангелия (книги об Иисусе Христе), Псалтирь (сборник духовных стихов), минеи (сборники церковных чтений), а также поучения отцов церкви и жития святых.

«Остромирово евангелие» (1056-1057) – самый древний из сохранившихся датированный памятник; старейшая рукописная книга, содержащая оригинальные древнерусские сочинения – «Успенский сборник» конца 12 или 13 в., в который, в частности, входят «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия», принадлежащие Нестору.

Оригинальные сочинения светского характера, в том числе и созданные не позднее XI в., сохранились в списках более позднего времени – не ранее конца XIII-XIV вв. Это синодальный список I новгородской летописи 13-14 вв., «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку 1377 г., сочинения Владимира Мономаха по тому же списку, сочинения киевского митрополита XI в. Иллариона, сохранившиеся в списке 15 в., «Слово о полку Игореве» 12 в., ставшее известным по списку 16 в.

Печатные книги появляются с 16 в. Это богослужебные книги, грамматические сочинения, описывающие систему книжно – литературного языка своего времени – церковнославянского, но содержащие ряд сведений, позволяющих судить о чертах живой речи их авторов.

«Букварь» Ивана Федорова, изданный в 1574 г. во Львове; «Грамматика» Лаврентия Зизания (напечатанная в Вильне, в 1596 г.).

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого (1619 г.), «Соборное уложение» (1649 г.) отражало деловой язык своего времени, противопоставленной славянскому языку богослужебной литературы и грамматических сочинений.

Изучению любого письменного текста предшествует исследование внелингвистических характеристик: текстологические наблюдения, сравнение списков, его палеографический анализ (внешний вид памятника; материал письма, особенности начертания букв), установление орфографической системы. Все это позволяет определить отношение текста к культурно-письменной традиции, связь писцов с той или иной школой книжности, устойчивость их орфографической выучки, а в необходимых случаях дает возможность узнать время и место создания текста.

«Остромирово евангелие» – книга евангельских чтений, расположенных в том порядке, в каком они читались в церкви в течение года, начиная с пасхи. Написано в 1056 – 57 гг. для новгородского посадника Остромира дьяконом Григорием, как полагают киевлянином, возможно, однако, что дьякон Григорий проделал эту работу в Новгороде, будучи специально вызван туда из Киева, и что у него были помощники. Он пользовался при этом оригиналом на старославянском языке, за исключением первых 24-25 листов, которые были списаны с древнерусского текста.

Два Изборника князя Святослава – 1073 и 1076 г. Две большие книги, написанные дьяконом Иоанном. I книга представляет собой сборник статей, сведений (о размерах Соломонова храма), о драгоценных камнях на одежде ветхозаветного первосвященника, о тропах и фигурах художественной речи, о том, какую пищу в каком месяце можно употреблять.

Второй Изборник – сборник статей религиозно-нравственного назидательного содержания, составленный также в Киеве предназначенный для широкого круга неискушенных в философии и богословии читателей – мирян.

Новгородские служебные Минеи (1095-97) – сборники церковных песен в честь святых, религиозных гимнов, расположенных по дням и месяцам.

Во II половине 16 в. при Иване Грозном, в Москве, после некоторых предварительных опытов печатания дьяконом Иваном Федоровым была основана книгопечатня. В 1564 г. была написана первая книга «Апостол». В 17 в. напечатаны (церковным кирилловским шрифтом) в Москве и две светские книги на московском приказном языке «Учение и хитрость ратного строя» 1647 г., наш I учебник военного дела и Соборное Уложение 1649 г., первый печатный свод законов Московского государства, утвержденных Земским собором.

Но вместе с тем и в 16 в. и позже продолжали появляться и рукописные книги.

16 в. Судебник царя Ивана Грозного 1550 г.; «Домострой»; «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (между 1667 и 1682 гг.).

Иногда в качестве источника изучения языка могут быть использованы старые названия стран, рек, гор, городов, сел, улиц.

Топонимика имеет значение для исторической лексикологии.

Например, московские названия:

Хамовники (мастера изготовлявшие «белую казну»; ткачи; полотнянщики от восточного слова *хаман* – полотно):

Басманная (от *басман* – дворцовый хлеб с печаткой, отсюда и *басманщик* – дворцовый пекарь);

Таганка (здесь жили когда-то таганщики, от *таган* - треножник с обручем для котлов).

Мытищи (место, где собирали *мыто* – особый вид торговой пошлины 0 на яузском водном пути).

В качестве географических терминов иногда сохраняются грамматические формы и категории, давно уже вышедшие из употребления в живом языке: притяжательные прилагательные на *Ъ, Я, Е*: (*Ярославов город*).

Древнерусские заимствования в других языках интересны потому, что они могут отражать тот облик заимствованных слов, который был им свойствен в эпоху заимствования.

Наиболее многочисленными дописьменными русизмами в финских и балтийских языках.

Финское () (пакля) = русское

Финское () = судия (церковный служитель).

Это свидетельствует о том, что в период распространения славянской речи на восточноевропейском Севере носители местных говоров сохраняли носовой гласный ().

Свидетельства иностранцев о русском языке относятся к разным периодам его истории и неравноценны.

а) арабские путешественники; IX-X в.;

б) Константин Порфиrogenет «О народах» (949) главы 9, 37 (обстоятельные сведения о Древней Руси сопровождаются воспроизведением древнерусских названий племен, городов, рек, отдельных слов).

Писали в Древней Руси книги и грамоты чернилами – «железистым» или «растительного» происхождения (из ольховой коры или из дубовых «чернильных» орешков), черного цвета, со временем несколько рыжевшим. Пользовались киноварью – красной краской из ртути и серы (для заглавия, начальных букв, как элемент украшения. Отсюда красная строка). Реже писали золотом на клею.

4. В школьной практике преподавание основ грамматики современного русского языка не может быть оторвано от основных данных и выводов науки о прошлом русского языка.

Этот вопрос об историзме в преподавании русского языка в средней школе впервые в полной мере был поставлен более ста лет назад Буслаевым в его замечательной книге «О преподавании отечественного языка» (1844).

Почему, например, мы говорим *два письменных стола, две сестры*, употребляя форму родительного падежа единственного числа, а не множественного числа существительного, как следовало бы по смыслу, поскольку речь идет не об одном предмете. Мы так говорим потому, что в русском языке когда-то существовало двойственное число и эти словосочетания с *два, две*, а также более поздние – с *три, четыре* представляют собой своеобразный осколок этой разрушенной системы чисел.

Почему у нас не спрягаются (т.е. не изменяются по лицам) глаголы в прошлом времени, тогда как в настоящем и будущем времени спрягаются? Всегда ли так было? Потому что в древнерусском языке носителям спряжения в прошедшем времени был вспомогательный глагол *есмь*, который присоединялся к причастным формам с суффиксом –л- от спрягаемого глагола и который по ряду причин постепенно вышел из употребления.

Не имеется вообще ни одного раздела школьного курса русского языка, при «объяснительном» изучении которого можно было бы обойтись без данных исторической грамматики. При изучении таких явлений как чередование звуков речи, как закономерности склонения существительных, как сосуществование полных и кратких прилагательных, как особенности склонения и словообразования местоимений и числительных – во всех случаях, где требуется объяснение грамматических фактов, учителю приходится углубляться в прошлое русского языка.

Нельзя ограничиться одной лишь констатацией глубокого расхождения между орфографией и орфоэпией.

Вопросы:

1. Что является объектом изучения исторической грамматики?
2. Каковы основные источники изучения истории русского языка?

Русский язык и его место среди славянских языков.

1. Русский язык принадлежит к группе славянских языков, составляющих подгруппу индоевропейских языков и находящихся в ближайшем родстве с языками балтийской подгруппы (латышский, литовский) и языками германской подгруппы (немецкий, голландский, английский, датский, норвежский, шведский).

Самую многочисленную группу славянских народов составляют восточные славяне (около 180 млн. – русские, украинцы, белорусы). Второй по численности являются западные славяне (около 48 млн. – поляки, чехи, словаки). Третья группа – южные славяне (около 28 млн.). Из них болгар, сербов, хорватов, македонцев.

Все существующие в настоящее время славянские языки настолько близки друг к другу и в словарном составе, и в закономерностях словообразования и словоизменения, и в синтаксическом строе, что не может быть ни малейшего сомнения в их общем происхождении из одного языка – основы. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что словарный состав един во всех славянских языках как по составу корней, аффиксов, так и по закономерностям образования производных слов.

Русский	Болгарский	Сербскохорватский	Польский
Пёс	пес	пас	pies
человек	човек	човек	crłowiek

Во всех славянских языках находим фонетические соответствия. Например, чередование заднеязычных с шипящими: рус. *рука – ручка*; болг. *ръка-ръчка*; сербскохорв. *рука – ручица*.

Общие черты прослеживаются и в синтаксическом строе: например, обозначение места предложным падежом с предлогами *в, на*.

Общие черты славянских языков были унаследованы из очень давнего времени, когда не было еще отдельных славянских языков, а далекие предки нынешних славян – праславяне говорили на общем языке. Этот праязык выделился из индоевропейского языка – основы и в течение длительного, многовекового периода объединял славян вплоть до распада его на отдельные славянские языки.

Выделение славян из общеиндоевропейского единства произошло приблизительно к началу III тысячелетия до н. э.

Общий язык славян известен в языкознании под именем общеславянского языка – основы или праславянского языка.

Праславяне, судя по данным истории и археологии занимали уже до нашей эры большую территорию в Европе: от придонских областей на востоке до Одера на западе и нижнего течения Дуная и Черноморского побережья на юге. Естественно, что на таком огромном пространстве при сравнительно-большой разреженности населения и при сравнительно слабых возможностях общения общеславянский язык не мог быть единым на всей территории, что уже по выделении своем из индоевропейского языка в нем были диалектные черты, которые с течением времени могли усиливаться и множиться при все большей разобщенности племен.

Можно думать, что в середине I тысячелетия н. э. общеславянская эпоха закончилась: именно в это время языки отдельных славянских групп развивают те особенности, которые противопоставляют их друг другу.

Первые упоминания о славянах относятся к начальным векам н.э. и принадлежат римским историкам, которые упоминают славянское племя венедов, живших в районе Прибалтики.

По поводу слова *венеды* можно думать, что оно не славянское. Финны до сих пор называют русских – «венетами». Вместе с тем предполагают, что, возможно, это слово связано с

одним из племенных названий восточных славян – вятичи, древнерусское вятичи (где древний корень -) и носит исконно славянский характер.

В более поздних источниках, относятся к 6 в. н.э. (у византийского историка Прокопия Кесарийского) упоминаются два славянских племени – словене и анты. Кесарийский писал о движении к югу, на Балканский полуостров. Нового народа. Западная часть этого народа называется склавени, а восточная – анты. Название склавени является передачей праславянского слов не и было самоназванием славян (этимологи связывают его словами слава, слово); название анты представляет собой тюрксизм. Во II-III вв. н.э. начинается движение славян к югу (район Восточных Карпат, на Молдовскую возвышенность). После II в. предки восточных славян продвигаются на западе – до Западного Буга.

Это обусловило усиление местных особенностей в праславянских диалектах, которых начали превращаться в самостоятельные языки.

В 7 в. имя анты, как общее, собирательное название для всех восточнославянских племен, исчезает. На смену ему вскоре появляется новое имя руст, происхождение которого пока не ясно, хотя оно могло быть заимствовано у финнов.

Начиная с конца общеславянской эпохи, т.е. не позднее VI в. н.э. и кончая приблизительно IX в., на территории от озера Ильмень и бассейна Западной Двины до Днепра, а также к востоку – в районах верхнего течения Оки и Волги, на Дону и Северном Кавказе – к западу – на землях Волыни, Подолии расселялись многочисленные восточнославянские племена, говорившие на близкородственных диалектах.

Названия этих родственных восточнославянских племен и места их расселения к 9 в. можно установить по данным «Повести временных лет».

На севере, в районе озера Ильмень, жили *словене*; в бассейнах Западной Двины, верхнего течения Днепра и Волги, располагалось обширное племя *кривичей* (границы кривической территории проходили близко от Москвы – в районах Можайска, Клина, Дмитрова).

Земли по верхнему и среднему течению Оки до Москвы-реки, а также в верховьях и дальше по течению Дона занимали племена *вятичей*, на территории которых впоследствии возникла Москва.

Западнее, между Днепром и Десной жили *радимичи*. Еще западнее в Белоруссии были *дреговичи* (название, вероятно, связано с диалектным смоленским словом дрегва – болото).

В районе Киева, на правом берегу Днепра, располагалось племя *полян*; севернее Киева жили *древляне*. По рекам Десне, Суле располагались земли *северян*. К югу от полян, по Днестру, жили племена *уличей* и *тиверцев*. В верховьях Буга – *воляняне*.

Все эти племена были в различной близости друг к другу и на различных ступенях экономического и культурного развития.

Шахматов делил все восточнославянские племена на 3 группы и считал, что каждая из них характеризовалась своими языковыми особенностями.

В северную группу входили, по Шахматову, словене, кривичи. Это группа тяготела к Балтийскому морю и была связана со Скандинавией. В языковом отношении севернорусы отличались наличием цоканья.

В южную группу – поляне, древляне, северяне, уличи, тиверцы, воляняне. В этой группе был Центральный Киев. Экономически она была связана с Византией и Балканским полуостровом. Языковой чертой, присущей этой группе, был звук [г] фрикативного образования.

Соседями восточных славян на западе были поляне, а на востоке – финны. Восточнорусскую ветвь составляли вятичи, язык которых характеризуется аканьем.

При всей стройности теория Шахматова не лишена недостатков, особенно в степени распространенности фонетических черт.

В 9-10 в. у восточных славян возникли города – центры – Киев и Новгород. Борьба между этими крупнейшими в политическом, экономическом и культурном отношениях центрами

привела к образованию единого Древнерусского государства во главе с Киевом и к возникновению древнерусской народности. Языковая общность этой народности была унаследована от языковой общности восточнославянских племен. Наличие такой языковой общности в прошлые эпохи были одним из факторов, содействовавших объединению бывших племен восточных славян в единую древнерусскую народность.

Закрепление отдельных групп населения на тех или иных территориях отразилось в постепенном отмирании старых племенных и в появлении названий жителей определенных областей. Так, словене стали называться новгородцами, поляне – киянами (от Киева), вятичи – рязанцами.

Такое закрепление населения на определенной территории привело к образованию новых территориальных единиц – земель и княжеств, - объединенных под властью Киева. При этом границы новых образований не всегда совпадали со старыми племенными границами.

Например, на территории одного Ростова Суздальского княжества оказались потомки словен, кривичей, отчасти вятичей.

В укреплении единства древнерусского языка сыграла роль выработка так называемого койне.

Киев возник на земле полян. О племенном диалекте полян, которые занимали небольшую территорию, а к 11 в, вероятно, исчезли совсем, сведений не имеется. Однако сама история Киевской земли характеризовалась тем, что на эту территорию, еще до образования киевского государства, шло население с севера. По летописным преданиям, Киевское государство и началось с захвата Киева северными князьями. Поэтому население киева с давних времен было этнически смешанным. Можно думать поэтому, что разговорный язык Киева первоначально отличался пестротой. Однако постепенно возникает своеобразный сплав диалектных черт – койне, в котором одни черты были по происхождению южными, другие – северными. Например, в этом койне были такие типично южнорусские слова, как *воль*, *брехати*, *л пый*, и такие севернорусские *лошадь*, *в кша*, *истьба* (*изба*).

В древнекиевском койне происходила нивелировка особенно резких диалектных черт, в результате чего оно смогло стать языком, удовлетворяющим потребности Киева в его связях со всей Русью, что укрепляло единство русского народа. Однако диалектные особенности продолжали развиваться, и это наиболее ярко обнаруживалось на территории, значительно отдаленной от Киева.

Ранее предполагалось, что письменность на руси возникла вместе с принятием христианства, т.е. в конце 988 г. до этого якобы восточные славяне не знали письма. После крещения Руси появились рукописные книги сначала на старославянском языке, писанные той азбукой, которую придумал Константин Философ, и занесенные сюда из Византии и Болгарии. Затем стали создаваться свои – древнерусские книги.

Есть основания полагать, что восточные славяне до крещения знали письмо. Известно, что в “Житии Константина Философа” имеется указание на то, что Константин попав в 960 г. в Корсунь (Херсонес), обрел евангелие, писанное русскими буквами. Договоры русских с греками относящихся к началу 10 в. (907 г.) должны были быть как-то написаны, т.е. надписи 10 в, берестные грамоты 11-12 вв. представляют древнерусское бытовое письмо, появление которого не может быть поставлено в связь со старославянским языком. Древнерусское письмо было буквенным.

С возникновением Киевского государства развивается и совершенствуется письменность, нужная для государственной переписки, для торговли и культуры.

В этот период начинается история русского литературного языка.

Огромная территория Киевского государства с разнообразными по экономическим, этническим и культурным признакам населения, объединенная под властью Киева, рано начала обнаруживать тенденции к распаду.

К середине 11 в., а особенно в 12 в., процесс ослабления Киева, с одной стороны, и процесс укрепления и обособления новых политических центров - с другой, привел к тому, что Киев потерял свое ведущее место. Историческая жизнь древней Руси стала концентрироваться вокруг нескольких новых центров. Этим самым усилилась феодальная раздробленность, которая означала прежде всего углубление диалектных различий в древнерусском языке.

Языковая общность древнерусскую народность сохранилась, ибо развитие диалектных различий не затронуло глубоко структуры русского языка.

Например, диалекты: новгородский – с (г) взрывным, цоканьем, оканьем; псковский – (г) взрывное, цоканье, оканье, на месте с, з, г, ш, ж произносились шепелявые согласные.

К 14 в. усилилось феодальная раздробленность древней Руси, которая привела к дальнейшему обособлению диалектов. Однако в это время шел и другой процесс – создание Русского государства на северо-востоке, в Ростово-Суздальской Руси.

В период 14-15 вв. складываются 3 отдельные восточно-славянские народности – великорусская, украинская, белорусская.

В состав великорусского языка вошли диалекты Ростово-Суздальской земли, Новгородской, Псковской, Рязанской земель; в состав белорусского – диалекты Смоленской, части Галицкой земель.

Передвижение исторической жизни с юга на северо-восток, сосредоточение населения на новой территории привели к созданию в Ростово-Суздальской Руси крупного государства. Очень скоро во главе Ростово-Суздальской Руси встает осква, Московское княжество, явившееся той базой, вокруг которой формируется великорусская народность.

Свидетельством формирования великорусской народности и ее языка на почве объединения разных диалектов является возникновение на всей территории этой народности языковых новообразований, несвойственных языкам украинской, белорусской народностей. В области морфологии, например, утрата звательной формы, замена свистящих заднеязычными в формах склонения (*ног* вместо *ноз*), развитие формы именительного падежа множественного числа на – *а* (типа *берега*), образование форм повелительного наклонения на –*ите* вместо *те*. Нет в русском языке слов обычных для украинского: *хмара* (*туча*), *будинок* (*здание*), *качка* (*утка*), *черевики* (*башмаки*), *гарний* (*хороший*), *червоний* (*красный*).

Язык великорусской народности в структурном отношении был близок к современному русскому языку: к этому времени уже произошло изменение (е) в (о) и функциональное объединение (и) и (ы), установилась система твердых-мягких и глухих-звонких согласных, утратилась старая система прошедшего времени, объединились некоторые старые типы склонений. В деловой письменности получает особое отражение ростово-суздальский диалект, в состав которого входил московский говор.

В Москве и к северу от нее были окающие говоры (псковский, новгородский, вологодский, архангельский).

В 17 в. складывается русская нация. Это быор связано с экономической и политической концентрацией территорий, со слиянием феодальных земель и княжеств, с образованием общего всероссийского рынка.

В эту эпоху начинает складываться русский национальный язык, образование которого приводит к прекращению развития новых диалектов, хотя существующие диалекты сохраняются долго, устойчиво удерживая местные черты.

В 14 в. в Московском княжестве медленно усиливались позиции южновеликорусских говоров, что связано с расширением территории государства на юг. Проникновение в Москву южновеликорусского населения вело к увеличению в ней разнодиалектности: В Москве одни акали, другие окали. И лишь постепенно, к 17 в. вырабатывается единое московское койне, средневеликорусское по своему характеру, т.е. с аканьем, с (г) взрывным, (т) в 3 лице глаголов, с формой у меня.

Уже с 14 в. северо-восточную Русь соседи начинают именовать Великой Русью. Но новое государство долго называли просто Русь. С Конца 15 в. – нач. 16 в. стали называть его Русия и Росия. Только с середины 17 в., после воссоединения левобережной Украины с Москвой, окончательно входит в употребление в официальном языке термин Великая Россия. С двумя с это слово стали писать с конца 17 в.

Специфические восточнославянские черты.

1. Фонетические восточнославянские черты.

1. Полногласия *-оро-, -оло-, -еле-* при неполногласных сочетаниях в других славянских языках.
2. Замена общеславянского редуцированного гласного *ъ* беглым *о* и редуцированного *ь* беглым *е* при других заменах в остальных славянских языках. *Сон – сна*, польский *sen-sni*, болг. *сън – сънливен*.
3. Восточнославянское чередование звуков *д – ж* в западнославянских и южнославянских языках соответствуют иные чередования: *ходить – хожу*; укр. *ходжу*, польск. *d – dr: widno – widze*; болг. *д – жд: видя – виждане*.
4. Восточнославянскому чередованию звуков *т – ч* соответствуют иные чередования. *Светить – свеча*; польск. *t – c: swiat – swieca*.
5. Замена общеславянских сочетаний согласных *dt* и *nt* в положении перед гласными переднего ряда в восточнославянских языках шипящим согласным *г* в инфинитивах: *помочь*, в существительных типа *ночь*. В западнославянском языке замена *-ц*, в южнославянском *-м – шт*.
6. Начинаящий слово гласный звук *е* в западнославянских и южнославянских языках остается, а в восточнославянских языках переходит в *о*, если в следующем слог гласный переднего ряда. *Один* – польск. *jeden*; *олень* – польск. *jelen*.
7. Все восточнославянские языки имеют на месте общеславянского носового гласного *о* чистый гласный *у*, а на месте общеславянского носового *е* чистый гласный *а*.

В истории русского языка выделяются следующие периоды:

1. Восточнославянский период (VI-IX вв.), когда происходило и завершилось обособление диалектов восточных славян от западно- и южнославянских. В этот период развился ряд восточнославянских языковых особенностей: полногласные сочетания, утрата носовых гласных и др.
2. Древнерусский период (IX-XIV вв.), в котором выделяются ранне- и позднерусский периоды. В раннедревнерусский период (IX в. – рубеж XI-XII вв.) на базе диалектов восточных славян формируется древнерусский язык и все языковые процессы (полное смягчение полумягких согласных, падение редуцированных и др.) носят общеславянский характер. Складывается книжно-письменный язык Киевской Руси. Позднерусский период (XII-XIV вв.) характеризуется образованием новых диалектных зон сначала на северо-востоке и юго-западе, затем по всей территории древнерусского языка, что было связано с феодальным дроблением Руси. Языковые процессы этого периода подготавливают распад древнерусского языка, и к концу XIV в. из него выделяются три восточнославянских языка – старорусский (великорусский), староукраинский и старобелорусский.
3. Старорусский (великорусский) период (XIV в.- середина XVII в.) является эпохой формирования и развития языка великорусской народности. Одновременно, но уже самостоятельно формируются языки украинской и белорусской народностей. Языковые особенности северо-восточной диалектной зоны, распространяясь на север, северо-запад и юг, постепенно охватывают всю территорию Московской Руси. В ходе взаимодействия северно- и южновеликорусских диалектов оформляются переходные

- средневеликорусские говоры, в том числе говор Москвы, который в XVII в. сыграл ведущую роль в становлении общенационального русского языка.
4. Начальный период формирования национального русского языка (середина XVII в. – XVIII в.) совпадает с историческим процессом формирования русской нации. В это время прекращается диалектообразование на основной территории Русского государства. Живая разговорная речь северо-восточной Руси, и в первую очередь самой Москвы, становится средством общегосударственного, национального общения.
 5. Период развития национального русского языка (XIX в. – XX в.). В этот период окончательно оформляются современный русский литературный язык и нормы устной речи его носителей.

Вопросы:

1. Какие периоды выделяются в истории русского языка?

Исторические специфические особенности звукового строя древнерусского языка (к. X – нач. XI в.)

План:

1. Слоговая структура древнерусского языка к X – началу XI в.
2. Система гласных.
3. Система согласных.

1. Развитие фонетической системы языка тесно связано с развитием других его сторон, и прежде всего морфологической и лексической систем. Это обуславливается и объясняется тем, что изменения звуков происходят в составе слов языка и в их формах. Поэтому изменения звуков постепенно могут привести и приводят к изменению морфем – префиксов, суффиксов и окончаний, что влечет дальнейшие преобразования в общей морфологической структуре слова.

Например, такие современные русские слова как цена и каяться, никак не связанные ныне семантически и имеющие каждое свое гнездо в далеком прошлом развились из одного корня, подвергнувшегося в определенных условиях фонетическому преобразованию; этим исконным для всех славян корнем был *oi* – мстить, наказывать.

На славянской почве дифтонг (*oi*) перед согласным не сохранялся, а изменялся в гласный переднего ряда (*e*), тогда как в положении перед гласным этот дифтонг не переживал подобного изменения. Звук (*k*), попав в положение перед гласной переднего ряда (*e*), изменился в свистящий (*c*) *koina* > *сена*.

Слоговая структура древнерусского языка к X – нач. XI в.

Известно, что слог состоит обычно из слогового и неслогового элементов. Слоговыми звуками (или носителями слога) являются большей частью гласные звуки, а неслоговыми – согласные. Слог, оканчивающийся слоговым звуком, является открытым, а оканчивающийся неслоговым звуком – закрытым.

Первой закономерностью, которая характеризовала структуру слога был закон открытого слога, сущностью которого является то, что слог в общевосточно-славянском языке оканчивался только на слоговой звук, т.е. в подавляющем большинстве случаев на гласный: брату, жена, дло.

Если учесть, что гласные звуки являются наиболее звучными, можно установить, что закон открытого слога предполагал расположение звуков в слоге по возрастающей звучности, т.е. слог начинался менее звучным и оканчивался наиболее звучным.

Закон открытого слога определил тот факт, что в древнерусском языке не могло быть согласных звуков на конце слов, ибо в этом случае конечный слог оказывался бы закрытым. Этот же закон обусловил ограниченность в языке сочетаний согласных: в древнерусском языке выступали лишь строго ограниченные в своем составе группы согласных, состоявшие большей частью из двух элементов, первым из которых был шумным, а вторым – сонорный, хотя могли быть и сочетания двух глухих или двух звонких шумных согласных.

Второй особенностью звуковой системы древнерусского языка была тенденция соединения в пределах одного слога звуков однородной артикуляции – переднего или непреднего образования. Один слог составляли или твердый согласный+непередний гласный или мягкий согласный + передний гласный.

Если, т.е. артикуляция мягких согласных близка к артикуляции гласных переднего ряда.

Если же в пределы одного слога попадали звуки разнородной артикуляции (тв. согл. + гл. перед. ряда), то в этом случае происходило приспособление артикуляции гласного и согласного звуков, причем приспособление это могло носить различный характер. Эта особенность известна как закон слогового сингармонизма.

Закон открытого слога и слогового сингармонизма возникли еще в дописьменную эпоху истории языка.

2. Система гласных.

Подъем	Зона образования	
	Передняя	Непередняя
Верхний		
Средний		
Нижний		
	Нелабиализованные	
	Лабиализованные	

Часть гласных древнерусского языка сохранились без существенных изменений; часть же их была утрачено, и этих фонем в русском языке уже нет.

Прежде всего здесь надо указать фонему (е) (), свойственную всем славянским языкам. Будучи в общевосточнославянском языке самостоятельной фонемой, (е) различала слова и их формы. Например, М.п. ед., муж. р. () отличался от звательной формы (плоде) лишь по наличию в этих формах (е) или (е).

У восточных славян это была фонема переднего ряда средне-верхнего подъема и артикуляционно характеризовалась как звук типа закрытого (е) – (е) или дифтонга (ие).

В древнерусском языке были две гласные фонемы неполного образования, так называемые редуцированные или глухие. Это были ослабленные гласные, произносившиеся неполным голосом. Условно эти гласные обозначаются (ъ) и (њ).

Гласная фонема (ъ) характеризовалась признаками непереднего ряда среднего подъема, а (њ) – переднего ряда среднего подъема. Эти гласные могли находиться как под ударением, так и в безударном положении, но и в том и в другом случае они звучали слабее, чем гласные полного образования. Они исчезли как самостоятельные фонемы. Выступая в древнерусском языке как фонемы (ъ) и (њ) различали слова и их формы. Например, форма р. п. мн. ч. существительного (пѣть) (от пѣта – “птица”) и им. п. ед. ч. (поть); формы Им. п. ед. ч. указательные местоимения м.р. ть и ср.р. то отличались лишь по наличию (ъ) или (о).

Различие в сильном и слабом положении повлияло на дальнейшую судьбу (ъ) и (њ).

Представляется недостаточно ясным фонемный статус гласных () и () – редуцированные (ы) и (и), положение которых в фонетической системе характеризовалось тем, что эти гласные были ограничены в своем функционировании определенными грамматическими условиями или лексически.

Во-первых, они выступали в форме им.п. ед.ч. полных прилагательных муж.р. () , но не в других формах прилагательных.

Во-вторых, они обнаруживаются в спрягаемых формах и в повелительном наклонении определенных глаголов: мыти, рыти, выти, вिति, лити, быти ();
в существительном “шея”.

По происхождению () и () восходят к (ъ), (њ) в формах прилагательных и к (ы) и (и) в формах глаголов и существительных в позиции перед () или (), однако для эпохи к Х – нач. XI в. Связи (ы), (и) с (ъ), (њ) уже не устанавливаются, а связи с (ы), (и) установить вполне возможно.

В составе гласных была еще одна особая фонема, которая утратилась в последующей истории русского языка во всех его диалектных. Она обозначается как () – (а) переднего образования. Эта самостоятельная фонема отличалась от остальных гласных фонем тем, что она

выступала в очень ограниченном числе слов и форм: () – это «потомок» утратившегося носового звука (е) – (е) 9 в словах типа (), (), из (), ().

Особое замечание должно быть сделано о фонемах (и) и (ы).

Как известно, в современном русском языке нет двух самостоятельных фонем (и) и (ы), а если лишь одна – (и), выступающая в двух звуках – аллофонах: в начале слова и после мягких (и), а после твердых – (ы). В древнерусском языке (и) и (ы) были двумя самостоятельными фонемами, т.е. они по отношению друг к другу были независимы. Эта и независимость выражалась в том, что, выступая в положении после одного и того же согласного, они оказывали на него различное влияние, по-разному определяли его качество.

Такое различное влияние (и) и (ы) на качество предшествующего согласного хорошо видно на явлениях, связанных с заднеязычными. Например: в форме В.п. мн.ч. м.р. от слова () было окончание (ы): (вълны), а в форме им.п. мн.ч. м.р. (и), перед которым (к) изменилось в ц: *вълци*.

В древнерусском языке в силу действия закона открытого слога гласные были связаны с предшествующими, но не с последующими согласными, отходящими к другому слогу.

Некоторые гласные могли выступать в абсолютном начале слова, т.е. в той позиции, когда перед начальными гласными не было никакого иного звука.

В этом положении могли выступать не все гласные древнерусского языка. В начале слова не было гласных (ъ), (ь) гласной (и). В X-XI в. не было такого положения, когда (и) в начале слова, предлога и приставки изменяется в (ы) под влиянием твердого согласного (игра – сыгран). Древнерусский язык не знал в начале слов и гласных (а), (е), (е), (а). Когда эти гласные оказывались исконно в абсолютном начале слова, перед ними развивался согласный звук (). В абсолютном начале слова могли быть только гласные (и 0, (о), (у).

После твердых согласных могли выступать две гласные (кроме заднеязычных к, г, х). После г, к, х могли выступать только гласные переднего ряда. После мягких согласных – все гласные кроме (о), (ъ), (ы), которые вообще не могли быть в этой позиции.

Сочетаемость гласных с предшествующими твердыми согласными была явно выраженной как внутри морфем (прежде всего внутри корней слов), так и на стыке морфем; возможности же сочетаемости гласных с мягкими согласными были ограничены как тем, какая мягкая предшествовала гласной, так и тем, где выступали данные сочетания. Так, с предшествующими мягкими шипящими (ш), (ж), аффрикатой (ч) сочетались гласные а, у, и, е, ъ, а, но не () в силу раннего (праславянского) изменения (е) < (ё) в (а) *шарь, чудо, шити, жити, четыре*.

Степень противопоставления гласных фонем в тождественных фонетических условиях осуществлялось по 3 признакам: по степени подъема языка, по наличию лабиализации и по зоне образования – передней или задней. Это постоянные признаки все гласных фонем. Это обстоятельство определяет тот факт, что качество гласных фонем было независимым от позиционных условий, и они выступали всегда в одном и том же аллофоне.

3. Система согласных.

Состав согласных древнерусского языка может быть представлен в следующем виде. (Таблица).

В этом составе согласных древнерусского языка можно установить ряд особенностей.

В числе губных согласных отсутствовал звук (ф). Это звук искони был чужд языку славян. Его не было и в восточнославянском языке – основе. Правда, звук (ф) встречался в словах, зафиксированных в памятниках старославянского языка, преимущественно в греческих заимствованиях (*фарисей, февраль, порфира, фонарь*) и через посредство этих памятников он мог проникнуть в литературный древнерусский язык. Однако в народном разговорном языке этот звук заменялся в заимствованных словах звуком (п): парус из греч. *faros*, Осип – греч. , Степан – греч.

Хотя постепенно звук (ф) становился привычным для древнеруссов (к греческим заимствованиям с (ф) присоединялись лексические заимствования из других языков), все же окончательное его укрепление в древнерусском языке произошло позже, не ранее XII – XIII вв., когда развитие системы этого языка привело к появлению (ф) на восточнославянской почве.

В древнерусском языке не было мягких губных. Не было мягких *z, k, x, t, d*. Мягкими согласными были шипящими (ш), (ж), аффрикаты (ц), (ч), а также звук *j*. Кроме того, мягкими были переднеязычные *s, z* и мягкие сонорные (н), (р), (л), находившиеся в парных соотношениях по твердости – мягкости с твердыми (с), (з), (л), (н), (р).

Среди всех твердых и мягких согласных фонем было только пять пар, связанных по признаку твердости-мягкости (с – с), (з – з), (р – р), (л – л), (н – н). Остальные согласные были или непарными твердыми или непарными мягкими.

Особенности в сочетаемости согласных с гласными были обусловлены, с одной стороны, твердостью или мягкостью согласного, а с другой – тем, внутри на стыке морфем осуществлялась эта сочетаемость.

В первом отношении все согласные следует разделить на 3 группы: твердые (кроме заднеязычных), мягкие и заднеязычные.

Т.о., твердые согласные, за исключением *z, k, x* могли выступать перед всеми гласными передней зоны и передней зоны. В положении перед гласными передней зоны артикуляция твердых согласных не изменялась, в положении же перед гласными переднего ряда их артикуляция испытывала определенные изменения, заключавшиеся в приобретении этими согласными позиционной полумягкости.

Появление полумягкости – это такое приспособление артикуляции твердого согласного к артикуляции переднего гласного, при котором средняя часть спинки языка в меньшей степени поднимается к твердому небу, чем это происходит при произношении мягких согласных.

Итак, твердые согласные выступали перед гласными переднего ряда в своих позиционных вариантах – аллофонах. Т.е. твердые согласные изменялись перед гласными переднего ряда, но не получали той «йотовой» артикуляции, которая характерна для мягких согласных. Твердые заднеязычные согласные не могли выступать перед гласными переднего образования.

Мягкие согласные выступали перед гласными передней зоны, а также перед (а), (у).

Только перед гласными а, у могли выступать все согласные древнерусского языка.

Твердость-мягкость согласной была ее постоянным признаком. Противопоставление парных твердых – мягких согласных по – разному осуществлялись внутри и на стыке морфем, будучи наиболее отчетливо выраженным во II случае.

В ту эпоху отсутствовала позиция нейтрализации твердых и мягких согласных. Становление и оформление соотносительных пар по твердости – мягкости, глухости – звонкости связано с позиционными изменениями согласных в слове. Полумягкость была не самостоятельным, позиционным признаком согласных, т.к. зависела от последующего гласного, а мягкость была самостоятельным признаком, т.к. не зависела от позиции. Так, в начале древнерусский период твердые и мягкие согласные не образовывали соотносительных пар. Не существовало и категории соотносительности глухих и звонких согласных, несмотря на наличие пар *n – ъ, t – д*, в которых согласные различались признаком глухости – звонкости.

В древнерусском языке парными по глухости – звонкости были

(п) – (б)	(с) – (з)	(ш) – (ж)
(т) – (д)	(к) – (г)	

Остальные согласные были непарные по глухости – звонкости: в, м, н, р, л – всегда звонкие; ц, г, х – всегда глухие.

Противопоставление глухих – звонких шумных осуществлялось в позиции перед гласными, а также в положении перед сонорными в.

Система древнерусского языка X-XI в. характеризовалась с одной стороны, тем, что в ней, как и теперь, существовали только позиции, в которых выступали или только глухие, или только звонкие шумные это свидетельствует, что в древнерусском языке действовал синтагматический закон распределения глухих – звонких шумных перед глухими звонкими шумными. То, что такой закон действовал, доказывается фактом мены (с) – (з) на конце приставок *без-*, *раз-*, которые исконно не имели редуцированного гласного после конечного (з) и присоединялись непосредственно к слову, начинающемуся с согласной: в зависимости от того, глухим или звонким шумным был начальный согласный слова, приставка выступала или с (с) или с (з).

Отсутствие глухих – звонких в абсолютном конце слова не создавало условий для нейтрализации глухости – звонкости в этом положении.

Вопросы:

1. Какие языковые процессы были вызваны действием закона открытого слога?
2. В чем проявляется праславянская тенденция к слоговому сингармонизму?
3. Каковы основные отличия древнерусской системы гласных от праславянской и современной?
4. Каков стиль согласных фонем в древнерусском языке?

Синтаксис простого предложения

План:

1. Формы простого предложения.
2. Подлежащее и сказуемое в древнерусском языке.
3. Конструкции с двойными косвенными падежами.
4. История соотношения беспредложных и предложных конструкций.
5. «Дательный самостоятельный» в древнерусском языке.

1. Синтаксический строй древнерусского языка отличался от синтаксического строя современного русского языка во многих отношениях.

Славянские языки, как и другие индоевропейские, характеризуются номинативным строем предложения, т.е. таким построением предложения, когда подлежащее при глагольном сказуемом, как правило, имеет форму именительного падежа. Сказуемое при этом выражается или личной формой глагола: *«пльсковичи...выпровадиша князя Олександра от себе»* (простое сказуемое), *«и бы вода велика въ Волхове»* (составное сказуемое), или только вторым номинативом: *«ты нашъ князь»*. (Примеры из Новгородской летописи по списку).

В древнерусском языке не было каких – либо особых форм простого предложения, кроме тех, которые известны и в современном русском языке.

Наиболее типичными для древнерусского языка были двусоставные личные предложения: *изидоша деревл не противоу томоу* (Лавр. летопись); *зд починаеть с правда* (Смол. гр. 1229 г.).

Что же касается односоставных предложений, то они также были известны в древнерусских памятниках, однако распространенность отдельных их типов не во всем была такой же, что и в современном русском языке. Широко были распространены определенно-личные предложения, т.е. такие, в которых отсутствовало подлежащее, но в глаголе было выражено определенное лицо:

Почто идеши отъ ть, поималъ еси всю дань; се кн з оубихомъ роускаго, поимемъ женоу его Вольгу (Лавр. летопись).

Широта распространенности подобных предложений в древнерусском языке обуславливалась избыточностью местоимений 1-го л. и 2-го л. в роли подлежащих.

Безличные предложения в древнерусском языке отличались почти таким же разнообразием как и в современном русском. Однако древнерусский язык имел целый ряд отличий в образовании безличных предложений, и в истории русского языка произошли важные изменения в этом звене синтаксической системы.

В отношении предложений с безличным глаголом в качестве сказуемого важно отметить редкость в древнерусском языке безличных предложений, обозначающих состояние природы, с безличным глаголом – сказуемым; такими глаголами были лишь *смерчес*, *грем*, *рассв те*:

Повел Ольга яко смерчес пустити голуби (Лавр. летопись).

Редко было использование безличных глаголов, обозначающих психическое или физическое состояние человека или другого живого существа: *мьнитис*, *хочетьс*, *удолжилос*.

В течение 13-14 вв. наиболее распространенным типом безличных предложений становится такой, в котором сказуемое выражено формой 3-го л. ед.ч. личного глагола в безличном употреблении:

По селомъ дубье подрало (Сузд. летопись); *загорес на ильин улиц с но и дрѣва разнесе, озеро морози в ночь* (Новг. летопись).

Что касается безлично-инфинитивных конструкций с предикативным наречием на –о, обозначающих состояние, которым сопровождается то или иное действие, то такие конструкции

отличаются в памятниках уже 12 в: *ушима тяжьско слышати, а очима вид ти, чудно слышати ихъ* (Повесть временных лет); *темно бо б в 3 день* (Слово о полку Игореве).

В роли сказуемого безличных предложений выступал и независимый инфинитив. Эти конструкции выражали часто предписание, неизбежность, возможность действия: *держати ти Новгородъ по пошлин*.

Конструкции, выражающие возможность действия, были широко распространены вплоть до 17 в., после чего они начинают утрачиваться, и в современном языке сохраняются только те, которые выражают невозможность действия, т.е. конструкции с отрицанием (типа не видать тебе этого).

Среди односоставных предложений древнерусского языка были широко распространены и неопределенно-личные со сказуемым в форме 3-го л. мн.ч.

Например: *аже кто убиетъ кн жа мужа в разбои, а головника не ищутъ, то вирьвную платити* (Рус. Пр.); *имуть бити челомъ тоб* (Грамм. 14 в.).

Номинативные предложения в древнерусском языке были распространены мало. В грамотах в качестве условной формулы «зачина» иногда встречаются назывные предложения: «*Благословение от владыкы ... къ князю Ярославу*» (1265 г.).

Ср. еще в I Новгородской летописи:

Стоише вс осенина дъждева, тепло, дъжгь, мразь, страшно з ло – в этих примерах слова *тепло, дъжгь, мразь* напоминают номинативные предложения. Распространения номинативные предложения получают лишь в памятниках 17 в.

2. Основной частью речи, при помощи которой в древнерусском языке выражалось подлежащее, было имя существительное. Вместе с тем подлежащее могло быть выражено: прилагательным (*злии радовахоус*), причастием (*не даша емоу тоу близъ живующии* – Лавр. летопись), числительным в сочетании с существительным (*два солнца померкоста* – Слово о полку Игореве).

Подлежащее могло быть выражено различными словосочетаниями, например, сочетанием существительного или местоимения с творительным падежом существительного с предлогом *с* (*И сложишася на Новгородъ Андр и съ смоляны и съ полоцяны* – I Новг. летопись), неопределенно-количественных слов *много, мало* с существительными в род. падеже мн. ч. с предлогом и без него (*и обращася мало людей; начаша много множество людей приходити* – I Псков. летопись). Все эти способ выражения подлежащего известны и теперь, в современном русском языке.

Однако в области выражения подлежащего в древнерусском языке были и такие особенности, которые отсутствуют теперь. Прежде всего речь здесь должна идти об употреблении в роли подлежащего личных местоимений.

Личные местоимения в роли подлежащего выступали в ограниченных конструкциях, что было связано с их избыточностью при обозначении лица формой настоящего времени глагола – сказуемого, формой 1-го л. ед. и всех лиц мн.ч. аориста и личными формами глагола-связки от *быти* в перфекте. Лицо не могло быть выражено глагольной формой только в случае употребления 2-3-го ед.ч. аориста и форм перфекта без связки от *быти*. В этих случаях лицо подлежащего могло быть установлено по контексту.

В древнерусском языке сказуемое могло выражаться различными способами, в зависимости от чего различались простое глагольное, глагольно-инфинитивное, именное сказуемое, причастное сказуемое.

Простое глагольное сказуемое выражалось формами различных времен. Поэтому изменения, затронувшие простое глагольное сказуемое, были связаны с утратой простых форм прошедшего времени и плюсквамперфекта и с утратой связи от *быти* в составе перфекта. В результате этих процессов простое глагольное сказуемое стало выражаться формами настоящего, простого и сложного будущего и прошедшего времени.

Относительно именного сказуемого внимание заслуживает вопрос об употреблении связки *быти* в составе сказуемого. В древнерусском языке такая связка употреблялась не только в форме прошедшего и будущего времени, но и настоящего. Вместе с тем в настоящем времени употреблялись и бессвязочные конструкции.

Ср., например: в I Новгородской летописи есть конструкции с отсутствием связки – *сватба пристроена, меды изварены, кн зи позвани*; и есть конструкции с наличием связки – *намъ есте не братья; отоидемъ к немъ чьскомоу црю, откеле же послани*.

В целом конструкции со связкой от основы *ес* – были больше свойственны книжным стилям, тогда как в живом языке, начиная с 12 в., значительно чаще употреблялись бессвязочные конструкции.

Что касается прошедшего и будущего времени, то связка от *быти* сохранялась в древнерусском языке и сохраняется в современном состоянии русского языка.

В двусоставном личном предложении подлежащее и сказуемое выступают в связи согласования, т.е. согласуются прежде всего в числе и лице, а при именном сказуемом – и в роде. Древнерусский язык обнаруживает ту же картину.

Однако вместе с тем древнерусский язык знал и здесь одну особенность, которая была впоследствии утрачена, – согласование подлежащего и сказуемого по смыслу. Это явление обыкновенно наблюдалось при условии, если подлежащее было выражено собирательным существительным, обозначающим лиц, людей, сказуемое при этом могло употребляться в форме множественного числа:

«рекоша дружина Игореви» (т.е. дружина не «сказала», а «сказали»); в Синод. списке I Новгородской летописи: *«и весь Новгородъ съ честию посадиша и»* (его); *«ходиша вся роус(ьс)ка земля»*, но *«и конь мнѡжьство помре»* (не: помраша).

Согласование сказуемого и подлежащего по смыслу, устойчиво державшееся в русском языке вплоть до 17 в. не исчезло полностью, однако оказалось сильно ограниченным в литературном русском языке (ср.: *современное большинство людей читали эту статью, большинство зрителей ушли из театра*). Но уже нельзя согласовать: «стража держат» как мог еще сказать А.С. Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке»: *«Вкруг ее стоит грозная стража, / На плечах топорики держат»*. В говорах это явление встречается чаще *«весь народ на пожар побежали»* и т.п.

3. Характерной особенностью древнерусской синтаксической системы были конструкции с двойными косвенными падежами – с двойным винительным и дательным, а также с двойным родительным падежом.

Двойной винительный падеж – это конструкция, в которой употреблены две формы винительного падежа имени, где одна обозначает прямой объект, а вторая находится в предикативных отношениях с первым винительным. В современном русском языке на месте второго винительного выступает творительный предикативный. Такой творительный предикативный при широкой употребительности двойного винительного был возможен и в древнерусском языке. Так, с одной стороны, в памятниках отмечаются конструкции с двойным винительным: *постави Мефоди епископа* (Лавр. летопись). С другой стороны – творительный предикативный: *поставиша Феоктиста епископомъ* (Ипат. летопись); *поставиша Диониси игоуменовъ* (Сузд. летопись).

Конструкции со вторым винительным, как и с творительным, отмечаются в предложениях с переходными глаголами называния, назначения, восприятия, чувства. В функции второго винительного выступали существительные, прилагательные, причастия. К 16 в. творительный предикативный существительных стал преобладать в памятниках письменности над вторым винительным, а в 17 в. второй винительный был уже полностью вытеснен из живого русского языка.

Точно также обстояло и со вторым винительным, выраженным прилагательным, который в истории русского языка тоже был вытеснен творительным предикативным.

Конструкции с двойным дательным падежом, также широко распространенные в древнерусском языке, были двух типов. Во-первых, второй дательный мог непосредственно присоединяться к первому дательному, и в этом случае он являлся простым приложением. Во-вторых, - и это более важно – второй дательный присоединялся к первому посредством инфинитива, и в этом случае он являлся предикативным приложением, т.е. имел предикативное значение. Так, например, второй дательный приинфинитивный отмечается в следующих примерах: *дать имъ область чадомъ бежемъ быти;* *кобыти намъ рабомъ* (Ник. летопись).

Вместе со вторым дательным в памятниках 16 в. отмечается и творительный предикативный: *подобаетъ, ти всегда воеводою быти* (Сказание о Мамаевом побоище); *ко быть теб княземъ во правдоу* (Воскр. летопись). К 18 в. второй дательный существительных в литературном языке уже почти не встречался.

Точно такую же историю пережил и второй дательный прилагательных, который присоединяясь к первому дательному посредством инфинитива, имея предикативное значение, являясь предикативным определением. В отличие от судьбы второго дательного существительных, второй дательный прилагательных держался устойчиво в памятниках еще 17 в., тогда как творительный предикативный тогда только еще начинал укрепляться.

Двойной родительный в памятниках древнерусского языка отмечается значительно реже других двойных падежей и выступает в конструкциях с отрицанием *не*: *не даша его жива* (I Новг. летопись). В истории русского языка он также был вытеснен творительным предикативным.

Т.о., конструкции с двойными косвенными падежами были утрачены, и на месте второго винительного, второго дательного и второго родительного стал употребляться творительный предикативный существительных и прилагательных.

4. Одним из древнейших явлений славянского синтаксиса (начиная с памятников старославянского языка) и, следовательно, синтаксиса древнерусского языка можно считать отсутствие некоторых предлогов, особенно *от*, перед дополнением в форме родительного падежа в том случае, если глагольное сказуемое, обозначающее «удаление», «отделение» и т.п. начинается с этого или близкого к нему значению предлога – приставки. Например, в I Новгородской летописи: *«отступи Кыева»*; в новгородских грамотах 13-14 вв.: *« т хъ вс хъ отступился есмь Новгороду»*.

Отсутствие предлога в таких случаях, как *отступи Кыева*, можно рассматривать как явление «родительного отложительного». Это явление имеет место не только при условии предложности глагола, но и в таких словосочетаниях, как *бежать кого-чего*: *«б жа же Саула Давидъ»* (Изборник 1073 г.). Ср. у Пушкина: *«Зачем бежала своенравно/ Она семейственных оков»*; *«Ее постели сон бежит»*.

В древнерусском языке предлог при дополнении мог отсутствовать и во многих других случаях. Н-р, при глаголах движения, сложенных с приставкой *на -*: *«иде (Святослав) и нал зе вятичи (набрел на...)»* («Повесть временных лет»); *«и ту на хали нас три татарины»* или с предлогом *до*: *«да слухъ насъ тотъ дошелъ, что у вас часто сполохи живут»*. Ср. в пословицах и поговорках 17-18 вв.: *«по нитке и клубка доходят»*, *«лишняя говоря сорома доводит»*.

Многие глаголы, которые в наши дни требуют дополнения с предлогом, в древнерусском языке имели беспредложное дополнение. Так, мы теперь говорим *«играть на чем-нибудь»*, *«играть во что»*, а по-древнерусски говорили: *«повел и органы играти»* – Изборник 1073 г. (= органами); *«они зерню и карты играют»* – Уложение 1649 г. (вместо в зернь и в карты).

Дательный беспредложный существовал рядом с дательным предложным, причем обе эти конструкции обозначали направление движения к какому-либо пункту. Отличия между ними заключались в том, что беспредложная конструкция обозначала движение с заходом в пункт, а предложная без захода в него:

Так, с одной стороны, *иде мьстиславъ Кыеву (т.е. в Киев) на столь из нова города; и приде он ть Новгороду (т.е. Новгород) и быстро встань велика в людьхъ*; а с другой - *и съ*

сими... поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ ... и прииде къ Царюграду, и грци замкоша судъ, а градъ затвориша». (Новг. летопись).

Что же касается предложной конструкции Д.п. с къ, то она сохранилась в русском языке без изменений.

Подобные беспредложные конструкции могли выступать не только в пространственном значении, но и вином. Так, например, существовала беспредложная конструкция дат. падеж принадлежности: *се имена воеводамъ ихъ; конь летъ сквозь оуши коневи*. Подобная конструкция также в целом не сохранилась в истории русского языка и была заменена конструкцией с род. падежом, однако тоже беспредложной.

Точно также винительный падеж без предлога мог употребляться в древнерусском языке для обозначения неполностью занятого действием времени: *азъ оутро полю по вы* (Лавр. летопись).

Итак, в истории русского языка беспредложные конструкции были в большинстве случаев вытеснены предложными, которые стали более точно и дифференцированно обозначать функции, прежде выполнявшиеся преимущественно падежными формами.

6. Некоторые синтаксические конструкции в древнерусскую эпоху употреблялись только в книжно-литературном языке, особенно церковном, и впоследствии долгое время жили только в литературной речи: они были чужды живому разговорному языку. Наиболее распространенным в древней Руси и устойчивым их таких оборотов (хотя все же характерным не для всех древнерусских памятников и, в частности, отсутствующим в «Слове о полку Игореве») является дательный самостоятельный.

Сущность этого явления заключается в том, что иногда законченная мысль, хотя и второстепенная по отношению к той мысли, которая выражается с помощью подлежащего и сказуемого, в древнерусскую эпоху могла быть выражена простым сочетанием имени существительного или местоимения в дательном падеже и согласованного с ним причастия действительного или страдательного залога.

«Деревлянѡмъ пришедъшимъ повелъ Ольга мовь створити», *«Мстиславу с дяцему на обдъ, приде ему в сть»* («Повесть временных лет»); *«надолз борющемася има нача изнемогати Мстиславъ»*. В первых двух примерах дательный самостоятельный имеет значение придаточного предложения – временного («когда древляне пришли», «когда Мстислав обедал»), а в третьем – причинного («так как они долго боролись»).

В некоторых случаях в «Повести» словосочетание с дательным самостоятельным отделяется сочинительным союзом от главного предложения: *«Аньдр ева же немогущю супротивити имъ, а от брательи не бы[сть] ему помощи»*.

Однако еще в древнерусскую эпоху, в связи с утратой склонения краткими причастиями, в словосочетаниях этого типа дательный падеж причастия мог заменяться именительным: *«идучи ми с мо, вид хъ бани древены»* («Повесть вр.лет»). Чем дальше шло время, тем больше наблюдалось отступлений от правильного употребления этого оборота.

В книжно-литературной речи, в частности в Москве, дательный самостоятельный все же продолжал употребляться. Он изредка возможен еще в повествовательной литературе и в переводных сочинениях к 17- н.18 в. *«Минувишу же дни, по утру рано, прибежал от моря есаул»* (дни – старый дательный ед.)

Об остатках этого оборота в новом книжно-литературном языке находим упоминание у Ломоносова в его «Российской грамматике» (1755) «В высоких стилях» – говорит он, - можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять. Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится». Действительно, дательный самостоятельный в известных жанрах литературного языка у некоторых писателей встречается и в стихах, и в прозе в конце 18 в., например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева: *«Едушу мне из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила»*.

Вопрос о том, был ли дательный самостоятельный особенностью, свойственной синтаксическому строю живого русского языка, или его употребление в памятниках письменности является лишь данью старославянской традиции, остается нерешенным.

Второстепенные члены предложения (определение, дополнение, обстоятельства) выражались теми же частями речи, что и в современном русском языке. К особенностям древнерусского синтаксиса относится свободное употребление кратких форм прилагательных в роли согласованного определения: *Тогда въступи Игорь князь во златъ стремянь* (Сл.о п. Иг.); *Ольга иде на дерьвеску землю* (Лавр.л.); *бысть в Ростов радость велика о Глебов при зд* (Лавр. л.).

Дополнения и обстоятельства чаще всего выражались косвенными падежами существительных как с предлогами, так и без предлогов. В древнерусском языке широко употребляются беспредложные конструкции, которым в современном русском языке соответствуют предложные.

Так, в роли обстоятельства места часто выступали формы дательного и местного падежей без предлога: *Приде ночью Вышегороду* (Лавр.л.); *бысть пожаръ великъ Киев город* (Лавр. л.).

Беспредложно употреблялись формы местного падежа в функции обстоятельства времени: *и одинонь час все погор* (I Новг. л.)

Некоторым падежным формам в древнерусском языке были присущи значения, которых у них нет в наше время. Например, обстоятельство причины могло выражаться беспредложным творительным падежом: *гибнути голодомъ* (Лавр. л.) совр. (*гибнуть от голода*); *учала б рушиться старостью* (Лавр. л.) совр. (*начала разрушаться от старости*). В древнерусском языке выражение отрицания осуществлялось либо при помощи отрицательных местоимений и наречий (*типа никто, ничто, николи*) в роли подлежащего дополнения или обстоятельства, либо при помощи **ни** при имени или местоимении, причем **не** при глаголе могло отсутствовать: *и не быть ему помочи ни откуда же* (Лавр. л.), *никоуму же рекъ* (Жит. Феод. Печ.).

Другим способом отрицание выражалось, если при двух сказуемых одно было с **не**, другое с **ни**: *не демъ на конехъ ни пеши идемъ* (Лавр. л.).

Первый способ, отразивший церковнославянскую традицию, не удержался, второй перестал также быть характерным для русского языка: теперь в подобных случаях употребляется повторяющийся союз **ни...ни**, усиливающий отрицание.

Вопросы:

1. Какими частями речи выражались главные члены предложения подлежащее и сказуемое?
2. Типы сказуемого. Что такое “второстепенное сказуемое”?
3. Каким способом выражалась предикативность в древнерусском языке?
4. Каковы особенности в употреблении кратких форм прилагательных?
5. Каковы особенности древнерусского управления?

Изменение в звуковой системе древнерусского языка и развитие фонетических особенностей русского языка в системе гласных и согласных.

План:

1. Редуцированные гласные и их история.
2. Редуцированные гласные в сочетании с плавными между согласными.
3. История редуцированных Ъ и Ь.
4. Следствие утраты редуцированных.

1. Многие фонетические изменения относятся ко времени после появления кирилловской письменности в Древней Руси. В письменных памятниках они отражаются то с XII в., то с XIV в. и т.д. По своему распространению некоторые (более ранние из этих изменений) являются общевосточнославянскими, например, падение редуцированных. Но в большинстве случаев их распространение оказывается ограниченным.

Во всех славянских языках в древнее время, кроме нормальных, чистых гласных полного образования употреблялись особого рода очень краткие короче нормальных кратких О и Е, с нечеткой артикуляцией, «глухие» гласные Ъ и Ь.

В научной лингвистической литературе их называют редуцированными, от латинского слова «отведение назад», переносно: «ослабление».

Редуцированные не произносились совершенно одинаково в отношении продолжительности во всяком положении в слове. При одних глухих гласные стали произноситься настолько кратко, что утратили основное свойство гласных – способность быть слогаобразующими звуками, стали не слоговыми. Такое фонетическое положение Ъ и Ь принято называть слабым. В других случаях Ъ, Ь стали в количественном отношении приближаться к нормальным гласным, а потом совпали с ними, причем получили различное звучание в разных славянских языках. Такое фонетическое положение называется сильным.

В сильном положении глухие, редуцированные Ъ, Ь во всех славянских языках с течением времени совпали с гласными полного образования различного качества, а в слабом положении перестали звучать, исчезли. В народном древнерусском произношении сильные глухие Ъ, Ь совпали с О, Е, а именно: Ъ – с О: *сон, локот`*; Ь – с Е (=э) *д`эн`, т`мно, жн`эц*.

Полагают, что процесс изменения редуцированных начался не ранее XII столетия. Бесспорные примеры употребления О, Е вместо сильных Ъ, Ь в памятниках письменности относятся ко II половине XII и к XIII в.

Так, во второй из самых древних наших грамот, во Вкладной Варлаама Хутынского, конца XII или самого начала XIII в.: *а буди емоу противень*.

Что касается исчезновения слабых глухих Ъ, Ь, то оно началось несколько раньше, по крайней мере в XI столетии, причем многие считают, что в первую очередь слабые Ъ, Ь исчезли в начальном передударном слоге, особенно если это был начальный слог корня: *кънезь, къто*;

Так, в слове князь Ъ отсутствует уже в надписи на Тамутараканском камне 1068 г.: *Гл бь кн зь*. Тем более, в грамотах XI в., например в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: *кн зь, кн женя*. Там и другие примеры: *Всеволодь* (в первой части этого слова должно было быть *Вьсе* – ср. *вьсь*).

Позже всего глухие согласные исчезли в открытом конечном слоге, согласно этому мнению.

На самом деле последовательность и в самом ослаблении Ъ, Ь, а потом в исчезновении слабых Ъ, Ь могла быть совсем другой. Ослабление могло начаться с конечного слога. Оно

могло начаться еще в общеславянском языке и было связано с некоторыми другими фонетическими изменениями касающимися конца слова.

Можно полагать, что конечных глухих в древнерусском произношении не существовало уже в X в. Константин Порфиргородный не слышал их, когда записывал слова *Neasit* (*неяситъ*), *prach* (*прагъ - порог*). В некоторых памятниках, например в Минее 1096 г., случаев пропуска Ъ, Ь в конце слова больше, чем в начальном слоге.

В сочетаниях с плавными согласными в восточнославянских языках редуцированные никогда не исчезали в произношении, следовательно, они всегда являлись в данных сочетаниях сильными: *полный – полнота, верх – верховой, кровь – кровавый*.

Сильные позиции редуцированных.

1. Позиция под ударением: *тъстя, кусьчѣк*;
2. Позиция перед слогом с редуцированным гласным в слабой позиции, впоследствии исчезнувшем в произношении: *кубѣкъ, търговьць*;
3. Позиция в труднопроизносимой группе согласных *владычество, монашьский, стѣкло, подѣрвати*.
4. В слове *съв тѣ (совет)* и производных от него во избежании омонимичности со словом *св тѣ (свет)* и его производными.

К этим четырем позициям, наличным во всех славянских языках, присоединяется пятая, специфически восточнославянская.

5. В соседстве с плавными согласными в положении между согласными: *верх, кровь*.

Слабые позиции:

1. На конце слова после согласных: *кость (кост`)*.
 2. Позиция перед слогом с гласным полного образования *сна (сна), жьму (жму)*;
 3. Позиция перед слогом с сильным редуцированным *льстѣць (лестец), дѣньмѣ (дном)*.
- Но по традиции Ъ и ь могли писаться в словах там, где живое произношение их не знало.

Например, написание Ъ – ь в конце слова сохранялось долгое время в силу того, что они указывали на границу слова при древнерусском слитном, без разделении на слова, письме, а позже обозначали мягкость и твердость предшествующего согласного.

2. В праславянском языке было два типа сочетаний редуцированных гласных с плавными (*r*), (*l*) между могласными: а) редуцированный предшествовал плавному: [*tʁt*]; б) редуцированный находился после плавного: [*trʁt*].

- I. гърдѣ, кърмѣ, гърло.
- II. кръвь, бръвь, кръшити.

Слова II типа в отношении их слоговой структуры характеризовались открытостью слогов.

В словах I типа носителем слога, слоговым элементом был редуцированный гласный. В силу этого слогораздел мог проходить или после редуцированного, или после плавного. Если слогораздел проходил после плавного, то *r*, *l* проводили его к закрытости. Однако слогораздел мог проходить и после Ъ и Ь, и тогда плавный примыкал к следующему за ним согласному. В этом случае плавный развивал вторичную слоговость и, т.о. в этих словах образовывался новый слог.

Иначе говоря, в слове *търгъ* было не два слога, а три *тѣ / r / гь*, причем все они были открытыми.

Особо обстояло дело с сочетаниями редуцированных с плавными между согласными, где судьба (ѣ) и (ь) оказалась отличной от общей судьбы сильных и слабых редуцированных.

а) В сочетаниях типа *tʁt* и подобных во всех восточнославянских языках (Ъ) изменился в (О), а (Ь) – в (Е). Говоря иначе, в словах с этими сочетаниями редуцированный вел себя всегда как сильный: он выступал как сильный, например, и в форме *търгъ*, и в форме *търга*, хотя

«внешне», с первого взгляда, () в одной форме (*търгъ*) был в сильной, а в другой (*търга*) – в слабой позиции. Т.о., из древнерусских сочетаний *тъrt, тьrt, тьlt, тьlt* возникли сочетания *tort, tolt, tert, telt*. *Гърло* – горло, *гърдый* – гордый; *върхъ* – верх; т.е. вторичные сочетания –ор, –ол, ер, ел из сочетаний с редуцированными гласными ър, ър оставались в положении между согласными без изменения и полногласия не давали. Однако, наряду с общерусскими явлениями в области развития сочетаний типа *тъrt*, в северорусских памятниках наблюдается так называемое «второе полногласие», т.е. появление на месте этих сочетаний написаний с полногласными сочетаниями *оро, ере, оло, еле*. Второе полногласие – явление диалектное. Так, в памятниках северо-западных территорий, прежде всего в новгородских, отмечено

верebны нед л (вм. *вьрбьны*); *молови* (вм. *мълви*).

Такие формы «со вторым полногласием» есть и в современных, преимущественно северных, говорах русского языка, например, отмечают: *молонья* из др.-рус. *мълния*; *верех* из др.-рус. *върхъ*; *жередь* из др.-рус. *жьрдь*; *кором* из др.-рус. *кърмь*.

Чтобы понять появление «второго полногласия», ограниченность его распространения в древнерусском языке, надо учесть возможность двоякого слогораздела в словах, имевших подобные сочетания в древнерусском языке. Как уже говорилось выше, в сочетаниях типа *тъrt* слогораздел мог проходить или перед плавными или после плавного. В том случае, когда слогораздел проходил перед плавными, звуки *r, l*, оказавшись в начале слога перед согласным, развивали слоговость, в результате чего в подобного типа сочетаниях появлялось не два, а три слога.

Позиция Ъ и Ь в сочетаниях типа *тъrt* была особой позицией, возникшей в результате действия закона открытого слога. Однако эта позиция и могла существовать лишь до тех пор, пока сохранялось действие этого закона. Когда падение редуцированных привело к нарушению закона открытого слога, к тому, что стали возникать закрытые слоги. Тогда перестали существовать и слоговые *p* и *l* в сочетаниях типа *тъrt*, ибо были утрачены условия, в которых они появлялись. Следовательно, если в форме *търга* до изменения Ъ было три слога: *тъ / p / га*, то после падения редуцированных здесь возникло два слога: *тор / га*, причем утрата слоговости (p) вызвала изменения (Ъ) – продление его в (О). Т.о., в тех случаях, когда за слогом из плавного слогового шел слог с гласным полного образования, прояснение редуцированного шло за счет утраты слоговости плавного звука.

В тех же случаях, когда за слогом из слогового плавного шел слог с редуцированным (търгъ), слоговой плавный, в силу краткости последующего слога с редуцированным, был, вероятно, долгим, и поэтому в эпоху падения редуцированных за счет утраты слоговости происходило прояснение Ъ, Ь, *В, О, Е*, а за счет утраты долготы – развитие второго гласного после плавного *p, l*. Так возникло второе полногласие в ряде диалектов древнерусского языка.

б) судьба Ъ и Ь после плавного оказалась различной в разных восточнославянских языках, причем различия обуславливались сильным и слабым положением редуцированного в слове с этими сочетаниями.

В сильном положении Ъ и Ь в этих сочетаниях прояснились во всех восточнославянских языках в *О* и *Е*.

Др.-рус. <i>крѣвь</i>	–	рус. <i>кровь</i> ,	укр. <i>кров</i> ,	бел. <i>кроу</i> .
<i>глотка</i>		<i>глотка</i>	<i>глотка</i>	<i>глотка</i>
<i>сльзь</i>		<i>слез</i>	<i>слез</i>	<i>слез</i>

Если же Ъ и Ь в сочетаниях типа *тъrt* находились в слабом положении, то они подвергались утрате, исчезновению.

Некоторые русским говорам, да и то и в единичных случаях, была известна утрата в этих сочетаниях не только слабых Ъ и Ь, но и плавных *p* и *l*. так объясняется и название города

Пскова. Слово *Псков* возникло из древнерусского *Пльсковъ* (Псковъ известно с XIV в.), засвидетельствованного памятниками, где после выпадения Ъ выпал плавный Л.

Однако типичным для современного русского языка и его говоров является наличие *ро, ло, ре, ле* на месте древнерусских *рѣ, лѣ, рѣ, лѣ* в сочетаниях типа *trѣt* со слабым Ъ и Ь, например: *кровавый, крошить, греметь*. Можно думать, что произношение О, Е на месте слабых Ъ и Ь в этих сочетаниях развилось путем аналогии с формами, в которых Ъ и Ь были сильными: *кровь – кровавый*.

3. Редуцированные Ы и И в эпоху падения редуцированных подверглись изменениям.

В говорах, легших в основу русского языка, сильные Ы и И изменились в О и Е, а в говорах, легших в основу украинского и белорусского языков в Ы и И.

Например, в Им.п.ед.числа прилагательных *молодой, но красный*.

4. В результате изменения сильных редуцированных в гласные полного образования и исчезновения их в слабых положениях в звуковом составе русского языка произошли многообразные и многочисленные явления.

Многие слова благодаря наступившим после исчезновения слабых редуцированных гласных звуковым изменениям настолько удалились от исходного своего звукового и буквенного облика, что не каждый говорящий на русском языке в силах осмыслить его этимологию. Трудно в *Брянске* увидеть ясное указание на бывшее окружение его дремучими лесами (дебрями) и угадать в нем преемника древнерусского *Дѣбрянскъ* или в названии реки *Цна* прочесть ясное указание на то, что эта река является правым притоком *Оки*, что ясно подчеркивается древнерусским обликом этого названия *Дѣсна* (ср.: *десница*).

Возникли орфографические трудности, преодолеть которые не удалось даже «людям письменным», допустившим употребление таких написаний, как *здесь* вместо правильного *здесь*, *где* вместо правильного *кде*, *ветчина* вместо правильного *вядчина* (= *вяленое мясо*).

Прекращают свое действие законы открытого слога и слогового сингармонизма. Русский язык, до XII в. свободно мирится с ними. Падением редуцированных вызваны и многие другие процессы, опередившие дальнейшее развитие звуковой системы русского языка.

I. Фонетические процессы, связанные с ослаблением звуков в конце слова, отражающиеся в памятниках с XIII века.

1) снижение звучности к концу слова привело:

а) к оглушению конечных звонких согласных: (лѣбѣ)> (лоп), (родѣ)> (рот), (морозѣ)> (морос), (гр`азѣ)> (гр`ас`), (строгѣ)>(строк), (крѣвь)> (кроф`);

б) к утрате конечного сонорного в позиции после другого согласного: (н`еслѣ)> (н`есл) > (н`ес), но (н`есла); (в`езлѣ) > (в`ез) > (в`ес), но (в`езла); (п`еклѣ)> (п`екл)>(п`ек), но (п`екла); (рублѣ)>(руб`)>(руп`) или (руп) /в говорах и просторечии/, но рубл`а и т.д. В некоторых случаях сонорный в конце слова сохранялся, и тогда перед ним развивался гласный звук: углѣ> уголь, огнѣ>огонь; ср. формы Р.п.мн.ч.: ведрѣ>ведер, землѣ>земель, соснѣ>сосен и т.д.; в говорах – мыслѣ, рубелѣ, журавелѣ, добер.

2. Отверждение мягких конечных губных, прежде всего М, отражающиеся в написании – МѢ вм. – Мь: *со кнАземь своимь Маломь* (Лавр.л.). многие современные русские говоры на конце слова знают употребление только твердых губных: (с`ем), (вос`ем), (голуп), (кроф). В других говорах и литературном языке конечные мягкие губные сохранились: (с`ем`), (голуп`), (кроф`).

II. Фонетические процессы в новых группах согласных.

1) В связи с утратой слабых Ъ и Ь образовались новые сочетания согласных, которые раньше были невозможны: ПТ, ВС, ПС, ПШ, СТН, РДЦ, и др. Например: *всье*> *все*, *жьстько*>*жестко*, *псьа*>*пса*, *пѣтица*>*птица*, *пшьено*>*пшено*, *сърдьце*>*сердце*. Вновь появились сочетания типа **tolt*, **tort* (желтый, полка, порвати, семерка); сочетания КТ, ГТ, ТЛ, ДЛ, ТТ, ДТ и др. (локѣти >локти, когѣти>когти, св тьло>св тло, с дьло>с дло, отьтълкнѣти>оттолкнути, подьточити>подточити); сочетания согласных с j: *братиа*> *бра(т`ja)*, *колосья*>*коло(с`ja)* и т.д.

В новых группах согласных, образовавшихся в результате утраты слабых редуцированных, начались процессы асимилиции и диссимиляции. Оказавшиеся рядом согласные стали уподобляться друг другу по признакам глухости-звонкости, твердости-мягкости, по месту и способу образования, например, *кошьба*>(коз`ба), *ножька*>(ношка), *умьный* (ум`ныѣ) > (умној), *сътихнути* > (с`тихнут`и), *съд ань* > (з`д`елан), *съжирьмь*>(з`ж`иром)> (ж`ж`иром), (съ шумьмь)>(ш шумом) и т.д.

Диссимиляция происходила гласным образом в сочетаниях двух взрывных согласных, аффрикаты и взрывного, аффрикаты и носового сонорного, например, *къто*>(кто), *лъгько*>(лехко), *чьто*>(што), *съкучьно*>(скушно).

В некоторых словах результаты уподобления закрепились орфографически: *къде* >(гд`е), орф. где; *съд съ* > (з`д`ес`), здесь; *съдоровь*>(здороф), здоров; *сватьба*>(свад`ба), свадьба; *тришьды*>(тр`иджы), трижды; *Св чьниковь* /фамилия/> (Св`ешн`икоф), Свешников.

В результате ассимиляции по глухости и оглушения конечных губно-зубных В, В` увеличился состав согласных – в древнерусском языке появились звуки Ф и Ф`: *въторыи* – (фторој), *д вька* – (д`ефка), *ставьте* – (стаф`т`е).

2) Отдельные группы согласных оказались трудными для произношения. Они у п р о щ а л и с ь за счет выпадения одного из согласных, причем новое произношение иногда закреплялось в орфографии: *л стьница* – (л`ес`н`ица); *зв зьное* – (зв`зн)ое; *есть ли* – (јес`л`и), орф. если; *стьклянька* – (скл`анк)а, орф. склянка; *сьльнце* – (солнц`)е и т.д. Упрощение происходило и в менее сложных группах, например, в сочетании БВ: *обвьязань* – (об`азан), орф. обязан; *обвьозь* – (обоз), обоз.

III. Изменения в фонетико – морфологической структуре слова.

С падением редуцированных связано образование в древнерусском языке новых, ранее не существовавших, морфем и новых грамматических форм.

1. После утраты слабых Ъ и Ь в ряде форм существительных появились «нулевые» окончания. Это формы Им.п.ед.ч. существительных на – о, – и, – і: *плодь* – плод/ ср.: плод-а, плод-у и т.д./; *медь* – мед/ ср.: мед-у, мед-ови и т.д./ Род.п.мн.ч. существительных на –а и –о: *кънигь* – книг, *пустынь* – пустын`, *плодь* – плод, *ножь* – нож` и т.п. нулевые окончания сохраняются в современных парадигмах склонения имен существительных, например: университет/ университет-а, университет-у и т.д./

2. Стали возможными окончания, приставки и суффиксы, состоящие только из согласных звуков: приставка В- (из ВЪ): *въходити* – входити, *въходь* – вход; суффиксы –К- (из –ЪК- / -ЪК): *палька* – палка, –Н- (из –ЪН): *страшьныи* – страшный, –СК- (из –ЪСК): *морьскыи* – морской и т.д.

3. Чередование слабых и сильных позиций редуцированных после исчезновения слабых Ъ, Ь превратилось в так называемую “беглость” гласных О, Е, наблюдающуюся при образовании форм слова. Ср. формы слов: *ръть* – рот и *ръта* – рта; *орьль* – орел и *орья* – орла; *п ськъ* – сок и *п ська* – п ска.

По аналогии с этими словами беглость О и Е развивается в словах, которые никогда не содержали редуцированных в своей основе: *ровь* – ров – древнерусск. рова, совр. рва; *ледь* – лед – др.-рус. леда, совр. льда; *корень* – др.-рус. корене, корени и т.д. совр. корня, корню.

Со временем беглость О, Е преобразовалась в морфологическое явление, свойственное целым категориям слов, например существительным муж.рода с суф. – ЕЦ, жен.рода с суф. – К- и др.Ср.: др.-рус. *купець* – (купец)~*купеця* – (куп`ц`а) и совр. *танец* – *танца*; др.-рус. *горька* – *горка*~*горькъ* – *горок* и совр. *кнопка* – *кнопок*.

Вопросы:

1. Какова суть второго полногласия?
2. Каковы основные процессы, связанные с ослаблением звуков в конце слова?
3. Какие процессы происходят в новых группах согласных?
4. Каковы основные изменения в фонетико – морфологической структуре слова?